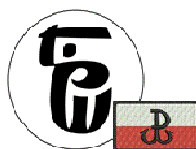

TOWARZYSTWO PRZYJACIÓŁ WARSZAWY

Program
„LUDNOŚĆ CYWILNA W POWSTANIU WARSZAWSKIM 1944”

гестаповский и сталинский

ТЕРРОР

В ВАРШАВЕ

Stowarzyszenie
Pamięci

Powstania
Warszawskiego
1944

Варшава * Музей Независимости * 8 ноября 2014 г.

TOWARZYSTWO PRZYJACIÓŁ WARSZAWY

Program

„LUDNOŚĆ CYWILNA W POWSTANIU WARSZAWSKIM 1944”
Kontakt 601 388 970 A.Dobiecki

Гестаповский и сталинский ТЕРРОР в Варшаве **Программа встречи 8 ноября 2014:**

13.00 – встреча в Зале Музея Независимости (ал. Солидарности 62):

- встреча участников организаторами;
- введение в тему свидетелями истории;
- медийное оформление темы;

14.30– 17.30

Факультативная автобусная образовательно-историческая экскурсия с экскурсоводами ОДВ по маршруту самых главных мест мученичества жителей Варшавы (место ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ВАВРЕ, бывшие резиденции НКВД и УБ, бывший лагерь НКВД в Рембертове, памятники и памятные таблицы).

17.30 –18.30

подведение итогов мероприятия **в подвалах ЯСНОГО ДОМА** во Влохах, бывших секретных застенках НКВД. Встреча с необычными попечителями этого места,

около 19.00 возвращение на Банковую площадь.

ПРИГЛАШАЕМ

**на следующие
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ**

**110 DNI
ZAGŁADY MIASTA**

**Sobota
13. grudnia**

**JAK FENIX
Z POPIOŁÓW**

**Sobota
17. stycznia (2015)**

Внимание

Все ВСТРЕЧИ начинаются в 13.00 в (возле) Музее Независимости
(на Трасе Восток-Запад - ал. Солидарности 62)

Дорогие Друзья Варшавы!

После падения Восстания в начале октября 1944 г. остатки повстанческих войск отправились в неведомое, в немецкий плен, а гражданское население погнали в лагерь в Прушкове и дальше в концентрационные лагеря или на работы в Германию.

В течение многих лет пропаганда притесняла солдат АК и участников Варшавского Восстания, а в стране неистовствовал террор НКВД.

Для многих поляков вопросы свободы и независимости до сегодняшнего дня представляют существенную ценность, без которой мы не можем жить. В 1944 году большинство думало так, как молодой поэт Кшиштоф Камиль Бачиньски "Надо нам теперь умирать, чтобы Польша умела вновь жить". Но поэт-солдат погиб не напрасно, его слова живут до сих пор. Они стали посланием и маяком для будущих поколений.

Беата МИХАЛЕЦ
Председатель Главного правления
Общества Друзей Варшавы

—oOo—

От автора Программы

Согласно Словарю польского языка Государственного Научного Издательства **ТЕРРОР** это: *«применение силы, насилия, жестокости с целью запугивания, уничтожения противника».*

ГИТЛЕРИЗМ это *«общественно-политическая доктрина гитлеровской партии, немецкий вариант фашизма, отличающийся, в том числе **беспощадным террором**, расизмом и политикой, направленной на вооруженный захват мира; в период II мировой войны был причиной геноцида».*

СТАЛИНИЗМ это *«период в истории Советского Союза и большинства коммунистических государств, характеризующийся главным образом официальным культом вождя (И.Сталина), тотальным политическим контролем общественной жизни и экономики с использованием партийно-государственного аппарата, **полицейским террором и изоляцией от внешнего мира**»*

В Польше, а в Варшаве в особенности, мы не избежали ни одной из этих форм террора.

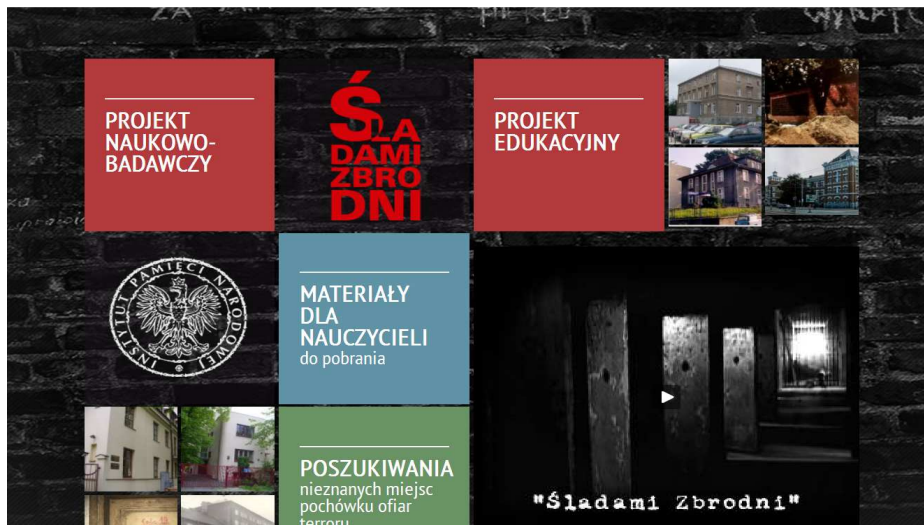
Конечно, абсолютно невозможно рассказать во время нашей ИСТОРИЧЕСКОЙ ВСТРЕЧИ, посвященной прежде всего судьбам „гражданских” жителей Варшавы, обо всей необъятности трагедии террора оккупантов и освободителей. Поэтому нужно будет пополнить свои знания самостоятельно, в соответствии со своими потребностями, желаниями и временем. В мою задачу входит напомнить о важнейших фактах и показать расположение нескольких мест памяти.

О гестаповском терроре мы рассказывали во время первой нашей встречи, посвященной немецким операциям АВ и ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. Мы говорили о первых облавах, казнях и депортациях. Мы также посетили Павиак. Во время очередных встреч мы познакомились с поведением немецких бандитов и бандитов-коллорабационистов из гестапо. Мы подробно рассказали об убийствах и изгнании из города всего населения. Нам не хватило времени на то, чтобы показать вам место первой публичной казни в Вавре, которую немцы совершили во время первых оккупационных праздников Рождества в 1939 году. Мы покажем его сегодня.

Характер послевоенного террора был несколько иным, хотя был направлен на уничтожение тех же людей, политически активных, действующих ради восстановления свободного демократического польского государства. Немецкий террор был геноцидом. „Красный” террор скрытой, коварной ликвидацией элит.

Но как у гестапо, так и у НКВД была одна и та же цель. Подчинить поляков своим режимам. К счастью, это не удалось, и после тех плохих, страшных времен осталась только память, немногочисленные уже СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ и несколько памятников.

Появились также многочисленные публикации. В предыдущем ВЫПУСКЕ мы советовали вам те, которые касались немецкого террора. О терроре НКВД/УБ больше всего сведений можно найти в документах Института Национальной Памяти. В обоих вариантах: на бумаге и в Интернете.

В следующих мероприятиях нашей программы мы напомним, как немцы мстили пустому беззащитному городу, предварительно ограбив его, а завершим воспоминанием о радости возвращения и удовлетворением от восстановления нашего города.

Итак, наша дальнейшая программа будет следующей:

- **13 декабря 2014 г.**
110 ДНЕЙ ГИБЕЛИ – станет свидетельством убийства города после „прекращения военных действий в Варшаве”, когда, выгнав нас, немцы оставались здесь сами, чтобы 3,5 месяца мстить нашим домам, предварительно их ограбив;
- **17 января 2015 г.**
КАК ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА – восстал наш город; мы хотим напомнить о первых возвращениях, первых днях радости и спонтанном восстановлении нашей жизни среди развалин нашего НЕПОКОРЕННОГО ГОРОДА;

Аугустин ДОБЕЦКИ
ОДВ, ОПВВ 1944

УНИЧТОЖЕНИЕ

Террор в Варшаве непрерывно продолжался в течение 17 лет, с начала II мировой войны до смерти Сталина и „оттепели” в 1956 году. Сменились только палачи.

Гестаповский террор начался с первого дня появления немцев на польской земле в сентябре 1939 г. Он был старательно подготовлен в течение нескольких предшествующих войне лет. Была разработана стратегия и тактика деятельности, сформированы специальные исполнительные части, а с помощью шпионов и населения немецкого происхождения подготовлены списки людей, предназначенных для устранения.

Согласно немецким предпосылкам Польша должна была превратиться в колонию, обеспечивающую III Рейх дешевой рабочей силой. Любое сопротивление должно было безжалостно подавляться.

Репрессии распространялись на „польскую интеллигенцию”, то есть ксендзов, учителей (включая также преподавателей высших учебных заведений), врачей, стоматологов, ветеринаров, офицеров, высших чиновников, промышленников, землевладельцев, писателей, редакторов, а также на всех людей, которые получили высшее или среднее образование. Определенная подобным образом группа включала миллионы поляков.

Предполагалось, что остальные превратятся в безвольную массу рабов.

Сразу же после вступления в Варшаву немцы предприняли широкомасштабные террористические действия против жителей.

Это были две операции физического уничтожения: *Intelligenzaktion* и *Ausserordentliche Befriedungsaktion*, то есть ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ и АВ.

Во время первой из них, проводимой с сентября 1939 г. до весны 1940 г., были арестованы как минимум 100.000 поляков, из них почти 50.000 были убиты.

Во второй, которая началась в начале марта, а закончилась последними расстрелами в Пальмирах в декабре 1940 г., были убиты 6.5 тысяч человек, а более 30 тысяч сосланы в концентрационные лагеря.

Первая ознаменовалась Павиаком и казнью в Вавре, вторая убийствами в Пальмирах и массовыми ссылками варшавян в Освенцим.

Об обеих мы рассказывали во время нашей первой ИСТОРИЧЕСКОЙ ВСТРЕЧИ 5-го июля текущего года, названной **АКСЖА АВ**. Тогда мы прошли от Музея Независимости до Павиака. Сегодня мы поедem на место ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ВАВРЕ.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ВАВРЕ

Во время первых оккупационных праздников Рождества мы узнали о первом массовом убийстве, совершенном немцами в Вавре. Впервые после своего появления они совершили здесь 27 декабря 1939 г. массовую казнь, убив 107 местных жителей в отместку за смерть двух своих солдат.

Солдаты погибли в заведении Антония Бартошка при попытке проверить документы 2-х бандитов, которые ранее напали в Отвоцке на полицейского и ранили его.

Хозяина ресторана повесили на его двери, а 107 человек расстреляли при свете автомобильных фар на пустом поле между Бленкитной и Спижовой.

В Вавре перед казнью

Антони Бартошек

О преступлении в Вавре так писал в своем рапорте главнокомандующий немецкими вооруженными силами на Востоке Йоханнес Бласковиц:

"VI батальон полиции, высланный администрацией при известии об убийстве, велел повесить хозяина трактира перед его заведением, где произошло убийство, а также расстрелять 114 поляков из дачного поселка Анин, которые с преступлением не имели ничего общего. (...) Этот расстрел сильно возмутил поляков, поскольку население никоим образом не было связано с убийством, это преступление было совершено исключительно по уголовным мотивам. Кроме того, люди сами указали этих преступников 538-му строительному батальону, пытаясь таким образом помочь в их задержании". (Я.Бията "Вавер")

Название ВАВЕР приняла тайная Организация Малого Саботажа, главным комендантом которой стал Александр Каминьски, а в Варшаве на стенах появились надписи: „ОТОМСТИМ ЗА ВАВЕР”.

Накануне приближающейся 75-й годовщины ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ВАВРЕ стоит прочитать о нем больше, а в декабре принять участие в мероприятиях, которые организует Управление района.

Дополнительную информацию можно найти на сайте:

<http://wawerinfo.pl/index.php/mord-wawerski-szczegolowy-opis-wydarzen/>

Оккупация

Гестаповский террор продолжался в течение 5 лет, принимая разные формы ликвидации жителей: расовую сегрегацию, комендантский час, облавы и уличные казни, вывоз в лагеря смерти, ссылку на работы в Германию, резню Воли и Охоты, убийства в повстанческих госпиталях или ИСХОД после Восстания.

О нем мы говорили во время предыдущей ИСТОРИЧЕСКОЙ ВСТРЕЧИ и писали в предыдущем ВЫПУСКЕ.

В том выпуске под названием „Исход жителей Варшавы” мы разместили несколько отчетов СВИДЕТЕЛЕЙ ИСТОРИИ, завершив их выходом из Прушкова. Сегодня мы допишем продолжение.

Ссылка

Из Прушова и прочих „DULAG-ов” жителей Варшавы депортировали в трех направлениях, в: ЛАГЕРЯ СМЕРТИ, НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ и в случайные места на территории так называемой Генеральной Губернии.

В лагеря смерти высылали врагов Рейха, главным образом деятелей Польского Подпольного Государства, а также военных. Расположение главных лагерей смерти представлено на диаграмме ниже:

На принудительные работы вглубь III Рейха вывезли более 90 тыс. человек, преимущественно в окрестности перечисленных на расположенной рядом диаграмме населенных пунктов..

Участница наших ИСТОРИЧЕСКИХ ВСТРЕЧ пани Халина ВЕЧОРЕК совершила вместе со своей матерью Зофией ОЛЬК длительную поездку по территории Германии. Она так вспоминает об этом:

„... С Западного вокзала меня, мать и брата вывезли в Прушков. Там мы встретили сестру матери (из Бураковских), Анелю Колаковску с сыном Тадеушем (второй сын погиб во время Варшавского Восстания), а также мою бабушку (мать матери) Агнешку Лорент. Всего там встретились 6 человек из нашей семьи. Нас погрузили на поезд в 8

Германию. Отвезли в Либенау. Там мы переночевали и поехали дальше до Ораниенбурга. В Ораниенбурге была сортировка, чтобы одинокие люди не попали в Лерте. Там нас также вымыли, обрили головы, если у кого-то были вши, и после проведенной на полу ночи снова погрузили в поезд. Когда в поезде кто-то испытывал физиологическую нужду, то надо было испражняться на ходу. Мать держала за руки в дверях товарного поезда, все женщины поступали так же. А в вагоне были также 16-17-летние ребята.

В Лерте нас метили (так, как теперь поступают с животными) и сделали фотографию с номером на груди. Там мы были недели две. Раз даже привезли мужчин, и мать узнала сына соседки – Богдана Пончковского (он вроде участвовал в Варшавском Восстании). Он бросил мне через забор кусок хлеба – это была роскошь.

В Лерте было ужасно. Кроме немцев было много украинцев в немецких мундирах. Когда приближался вечер, женщины придвигали к дверям все нары, на которых спали с детьми, потому что украинцы приставали к женщинам на глазах детей. Это было страшно. Немцы этого не делали, самое большее, если был приказ, то убивали.

Раз я видела, что у соседки на пальце было обручальное кольцо. Когда его увидел латыш, то велел снять. Она не могла, тогда он откусил палец и забрал это кольцо. Это было страшное зрелище для детей.

После пребывания в Лерте нас отвезли в Берген-Бельзен, а там были такие большие палатки, что могло въехать 20 танков. Там мы спали на траве, а была поздняя осень.

Мать на улице вымыла мне голову. На голове у меня появились нарывы, к тому же еще вши. Вся моя голова была одним большим струпом, я ужасно мучилась.

Мы ели замазку – неочищенную морковь, обычную и листовую капусту. Если кто-то нашел банку возле немецкой столовой, то было из чего есть, а крышку использовали вместо ложки. Пить давали мяту. Воду я пила из канавы, через носовой платок.

На аппельплац нас гнали немцы с собаками. Эсэсовцы велели детям встать перед матерями, а если кто-то был одинокий, то его отделяли от нас и говорили, что такие поедут в горы Харен, а мы к крестьянам, как транспорт матерей с детьми. В последнюю минуту брат встал перед бабушкой. Немец остановился, посмотрел и спросил: Junge?, бабушка кивнула, что да и благодаря этому спаслась. Те знакомые, которые поехали в горы Харен, в Варшаву уже не вернулись. Нас отвезли в лагерь Мейкинзбург. У одной крестьянки велели выкапывать картошку руками, потому что,

у нее не было ни машин, ни мотыг. Выделили борозду одному человеку и ребенку. На этом поле лежали куски навоза. Через несколько дней у

Austria

Bawaria

Brandenburgia

Groningen

Hamburg

Norymberga

Pomorze

Stuttgart

Turyngia

Wrocław

меня стали нарывать ногти и появились гнойники до локтя. Немецкая переводчица отвезла меня в больницу, там дали лекарства, и понемногу я поправилась.

Мы ходили собирать буковые орешки в лесу, а матери корчевали деревья.

Обувь мы получили целиком из дерева, так называемые челноки. Брат, когда нас везли на работу, прицепился к трактору, чтобы подошвы на шоссе стесались, чтобы легче было носить. Когда наступила ночь, то женщины украли у него эту обувь.

В декабре закончились работы в поле и в лесу, нас посадили в поезд и отвезли в Краков в Главный Опекунский Совет, потому что это был транспорт матерей с детьми. Там нас распределили в Лович, в деревню Жонсно, к пани Козловской, потому что Варшава еще не была свободна ..."

На территорию Генеральной Губернии, в районы, перечисленные на диаграмме ниже, высылали из Прушкова людей, которых сочли непригодными для работы в Германии. Этих людей, запертых в товарных вагонах и полувагонах, часто оставляли на разных маленьких станциях, где их принудительно распределяли в крестьянские хозяйства или дома.

В этой принудительной, вынужденной ситуации, созданной немецким террором, проявлялось разное отношение людей к выселенным варшавянам.

По большей части оно было доброжелательное, сочувствующее и поддерживающее. Реже равнодушное. А в качестве исключения бесцеремонное и враждебное.

Во всех этих населенных пунктах действовали Главный Попечительский Совет, Польский Красный Крест и отделения Польского Подпольного Государства.

Так о своей судьбе написала ехавшая в полувагоне пани **Ирма МЕРОСЛАВСКА**, рассказы которой мы знаем по предыдущим ВЫПУСКАМ:

„... Через три дня в Урсусе немцы устроили сортировку. Нас построили во дворе, в одну сторону перегоняли здоровых и молодых, в другую пожилых и матерей с детьми. Таким образом нашу маленькую группку разделили. Збышка с женой и Владей направили направо, а маму, меня и пожилых женщин налево. Уже ходили слухи, что молодые едут на работы в Германию. Нашу группку матерей с детьми

Częstochowa

Jędrzejów,

Kielecczyzna

Końskie

Kraków

Łowicz

Podhale

Sochaczew

Tarnowskie

Wolbrom

загнали в поезд. Вагоны были без крыш, что поначалу казалось плюсом, потому что при такой страшной давке по крайней мере был воздух, однако ночью начался дождь, и стало не только мокро, но и холодно. Бабушка слабела и была вынуждена опираться на меня и маму, а в этой чудовищной тесноте не было возможности сменить позу, и обе мы совершенно ооченели. Мочились под себя, потому что речи не было о том, чтобы протолкаться к какой-либо дыре в полу.

Голодными мы не были, потому что на станциях было много людей, которые бросали в вагоны хлеб и яблоки. Через 40 часов, когда все уже были едва живы, поезд остановился, и немцы снова с криком начали выгонять людей из вагонов. Мы с облегчением увидели, что это не лагерь, а какая-то деревенская станция. Через громкоговорители сообщали, что на площади стоят подводы, которые забирают выселенных из Варшавы. Оказалось, что нас должны были развезти по деревням. Я ужасно боялась, что потеряю маму, или что она потеряется, и в буквальном смысле держалась за подол ее пальто. Ежесекундно объявляли, что какой-то потерявшийся в толпе ребенок ждет мать или няню...

...Станция, на которой все это происходило, называлась Концеполь ...

...На второй день нас привезли в дом в деревне со странным названием Ижондзе. Типичная польская усадьба конца XVIII в., вся белая, с портиком с колоннами, с крытой гонтом крышей...

...Дворец был окружен прекрасным парком с аллеями, которые заканчивались возле бывших рыбных прудов. Какие деревья были в аллеях, я не помню, знаю только, что были очень старые.

Нас, выселенных, было примерно 15 человек. Часть спала в огромном салоне или бальном зале. Туда поставили деревянные деревенские кровати с набитыми соломой сенниками, накрывались мы коврами или попонами. Если бы не наше кочевье, зал был бы действительно прекрасен...

...Окна выходили на террасу с видом на парк. Столовая, в которой мы более чем скромно питались, была выложена темными резными панелями...

...Кухня была в так называемом низком первом этаже, как это обычно бывало в бывших усадьбах – тогда не надо было носить воду наверх. В кухне господствовала огромная печь с дымоотводом и духовкой для выпечки хлеба...

...Главным лицом в этом хозяйстве был не пан Кроткевски, а экономка, у которой старый помещик был под каблуком. Экономка была скупа и жалела нам, выселенным, даже скромной еды.

...Наше меню было следующим: завтрак – черная бурда, то есть эрзац-кофе и хлеб, обед – суп из моркови или жидкий картофельный суп, на ужин то, что на завтрак. Я постоянно была голодной, а когда набивала живот длинным хлебом и супом, то у меня часто болел желудок. У мамы не было денег, чтобы докупать еду. Крестьяне не хотели ничем делиться, зато охотно продавали продукты. Думаю, что для них это

был выгодный период, поскольку многие варшавяне забрали с собой ценные вещи, которые могли обменять на масло, молоко или яйца. Мама, видя, что с моим железком дела обстоят все хуже, пожаловалась соседке из-за стены, выселенной из Познаньского воеводства. Никто из нас не знал, что брат этой пани был командиром местного отряда АК. Соседка сказала брату, что экономка морит варшавян голодом. Ночью пришли партизаны и припугнули бабу, угрожая, что выгонят ее, если она не изменит это скудное меню. Каково было наше удивление, когда утром на столе мы увидели кашу на молоке и масло на хлеб. Правда мы не получали деликатесов, но еда была немного лучше...

...Постепенно я привыкла к новому окружению. Я начала встречаться с большой группой молодежи. Когда-то я играла в Милой с детьми садовника, теперь знакомилась с типично деревенской молодежной средой, совершенно не такой как варшавская...

...В конце ноября выпал снег, начался мороз, и в нашем спальном бальном зале стало холодно как в леднике. Я ужасно мерзла, но вшам это не мешало, они были более выносливы, чем мы. Неизменной картиной была зажженная карбидная лампа и все обитатели салона с разной одеждой в руках – истребление вшей. Этого бедствия невозможно было избежать, потому что у двух милых пожилых дам в корсетах были зашиты деньги, и они не хотели отдать их в стирку. Это был рассадник для насекомых, которые, несмотря на стирку и глажку нашего белья, быстро возвращались на покинутые позиции. Из жильцов бального зала я помню супругов, которые все время ругали восстание и повстанцев – вероятно, много потеряли и не могли с этим смириться. В то время тот, кто оскорблял повстанцев, был моим личным врагом ...

...В нашем зале нечем было топить печку, потому что экономка утверждала, что крестьяне не привезли дров из леса, а запасов хватает только на то, чтобы топить печь в кухне и у помещика в кабинете. Должно было быть действительно адски холодно, потому что я отморозила пальцы на руках и ногах. Кто-то сжалился надо мной и дал бабушке гусиный жир, который немного подлечил незаживающие раны. Мы все время размышляли, сколько топлива уходило на обогрев такого дома в нормальных условиях.

...Как раз когда я это описываю, по телевизору говорят о выселенных из Варшавы. Какой-то молодой корреспондент распространяется о самопожертвовании крестьян в деревнях, куда немцы выселяли варшавян. Выступали также старые крестьянки, которые, будучи детьми, наблюдали за бездельниками из Варшавы. Это были два отдельных мира, которые не понимали друг друга. Того, у кого были деньги, наверняка принимали лучше, если кто-то вышел с узелком и не имел ничего, то участь его была незавидна. Для крестьян это был еще один рот, который надо прокормить. Я думаю, нам очень повезло, что мы попали в усадьбу, несмотря на голод и холод. Заканчивался 1944 год, наступили праздники, которых я не помню ...

С подобным, хотя и несколько отличающимся отношением и поведением наших благодетелей столкнулась пани **Тереса КОПЫЦИНЬСКА**, вывезенная под Радом.

„...Мы были в большом цеху... Там мы пробыли какое-то время, и людей начали вывозить. Нас грузили в вагоны для скота, отец говорил, что нас вывезут на работы в Германию. Мы ехали на поезде, который на разъезде под Радом остановился. Вокруг поля с чем-то нескошенным. Отец с нами выскочил и быстро погнал нас как можно дальше от поезда. С нами убежало еще много людей, раздалась очередь из автоматов. Отец кричал, чтобы мы ложились. Был вечер. Ночью люди из Радома, которые жили в окрестностях, искали нас с опасностью для жизни, за что я им благодарна, и взяли под опеку. Видимо, они знали эту трассу, потому что отвели нас в Главный Опекунский Совет.

Нас забрали в город и разместили в разных домах. Я попала к пани Тылёвой, президенту Радома, которая о нас позаботилась. Потом я быстро выехала в деревню под Радом. Там я помогала хозяйке учить и делать уроки с ее детьми. Я была там полтора месяца.

Отец был в партизанах, он поддерживал с нами контакт и знал, где я нахожусь. Я вернулась в Радом, потому что нас не хотели слишком долго держать в одном месте. Я улаживала все дела, мать боялась облав.

Отец вслед за фронтом добрался до Варшавы, проверил, что дом бабки на Ловицкой пригоден для проживания.

Он нанял подводу до Варшавы, и так мы вернулись в Варшаву, в сильный мороз и снег, который мы растапливали, чтобы была вода.

Началась жизнь в Варшаве.

После всего этого у меня и моих ровесников были какие-то памятные вещи и песенки с восстания, которые я хранила. Отец разозлился, когда об этом узнал, все порвал и сжег, потом объяснил мне, в чем дело. Это были времена УБ, следовало молчать о восстании, поэтому я замолчала. Я говорю об этом впервые. Никто не хотел этого слушать.”

в открытом вагоне депортационного поезда

Пану Богдану **ЩЕПАНКОВСКОМУ** было всего пять лет. Но тогда год считался за два. Его переживания и оценки были вполне зрелыми. Давайте прочитаем, как он запомнил свои скитания.

„...Маму хотели отправить на работу в Германию, но ей удалось избежать этого под предлогом того, что у нее туберкулез (тогда она очень похудела, у нее также была справка, что Отец умер год назад от туберкулеза). Поэтому временно мы остались в этом цеху. Благодаря посредничеству какой-то польской медсестры или переводчицы вечером 19 августа (было уже очень темно) подкупленный кольцом баншутц отвел нас к какому-то составу товарных вагонов, велел сесть в один из них, закрыл дверь (как оказалось, там были только мы и какие-то коробки) и сказал, что поезд утром поедет, хотя и неизвестно куда. Помню, что по пути к этому вагону мы несколько раз переходили через пути под другими составами, а я все время боялся, что состав может тронуться. Потом я узнал, что Мама тоже боялась, но того, чтобы нас не заметили, потому что в штатских на путях стреляли без предупреждения.

Утром поезд действительно тронулся. Мы ехали вероятно около 3-х часов, потому что когда поезд остановился, и Мама решила выйти, оказалось, что мы стоим в поле вблизи Скерневиц. В Скерневицах было местное отделение Главного Опекунского Совета (Rada Główna Opiekuńcza, организация, созданная в феврале 1940 г.), который в том числе занимался беженцами из Варшавы. Нас отправили в деревню Речице (25 км от Скерневиц, 3 км от городка Лышковице), к местной крестьянской семье.

Была уборка. Вся семья шла в поле, Мама утром чистила огромный чугунок картофеля „на борщ“, а после завтрака мы вместе шли пасти коров. Как я боялся этих коров! К сожалению, через несколько недель уборка закончилась, было кому чистить картошку и пасти коров, поэтому хозяйка заявила – „нет работы, нет и еды“ и велела нам убираться. Мы пошли пешком в Лышковице. Там мы перезимовали и в феврале 1945 года вернулись в разрушенную Варшаву.”

Памятник

Всюду, где мы были, остались наши следы, остались места памяти. В этом выпуске слишком мало места, чтобы описать их. Но об одном таком месте я должен рассказать. Это **ПАМЯТНИК ВАРШАВСКИХ ПОВСТАНЦЕВ в СЛУПСКЕ**. Сначала он был установлен временно и открыт уже 15 сентября 1945 г., а год спустя, вновь открытый как произведение скульптора Яна МАЛЕТЫ, является первым в мире памятником ВАРШАВСКОГО ПОРЫВА К СВОБОДЕ. Инициаторами были варшавские повстанцы Михал ИССАЕВИЧ (легендарный Мись, участник покушения на Кучеру), а также ксендз Ян ЗЕЯ (капеллан Серых Шеренг и АК).

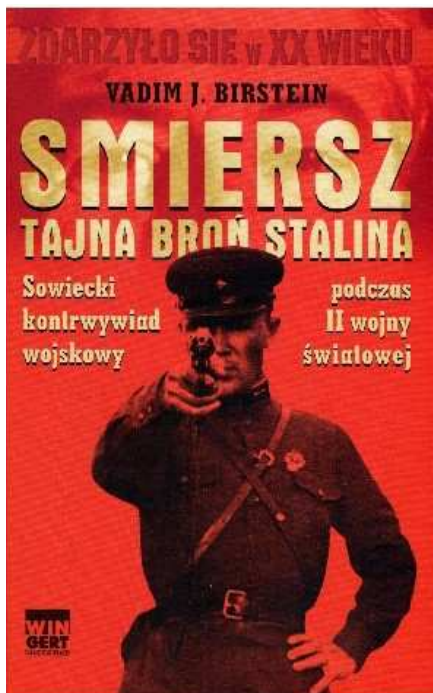
Похороны убитых немцами в Слупске принудительных работников в том месте, где стоит ПАМЯТНИК ПОВСТАНЦЕВ ВАРШАВЫ (на фотографии рядом)

Возвращения

По разным причинам не все мы вернулись домой. Часть не успела познать „вкуса свободы“, часть прижилась на чужбине, а другие поехали строить Польшу на „возвращенных землях“. Но оставшиеся днем и ночью возвращались в свой раненый город на чем только было можно: пешком, на подводах, поездах и фронтовых автомобилях. О них и об их возвращениях мы расскажем 17 января 2015, в семидесятую годовщину изгнания шкопов из Варшавы.

Смена караула

Советский террор пришел в Варшаву одновременно с изгнанием немцев с Праги, то есть в сентябре 1944 г. На левом берегу Вислы еще три недели шли бои, а потом в течение 3,5 месяцев разрушали пустые дома.

Тем временем здесь, на Праге, уже была Польша и ее тогдашние власти: президент, Люблинское правительство иНКВД – мать и инкубатор нашей родимой „безопасности”. У Народного Комиссариата Внутренних Дел, советской политической полиции, была своя ячейка контрразведки, специализирующаяся в истреблении „врагов режима”. Ее называли **СМЕРТЬ ШПИОНАМ**, сокращенно **СМЕРШ**. Оновной формой ее деятельности были **СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ РАЗОБЛАЧЕНИЯ ШПИОНОВ**.

В этой машине террора также имели свое место военные службы под названием „ИНФОРМАЦИЯ НВП” (Народного Войска Польского).

Полная ликвидация освободительных структур была для нового режима

непременным условием захвата власти в Польше.

Поэтому щупальца НКВД и сотрудничающих с ним подведомственных организаций расползлись по всей Варшаве и ее окрестностям. Во всех районах и городках под Варшавой были его явные и секретные резиденции, в которых размещались застенки разного уровня, предназначенные главным образом для солдат подполья, деятелей Польского Подпольного Государства и тех, которые хотели „свергнуть силой” новый строй. А таких на Праге и вокруг Варшавы было очень много.

Все места их потенциального пребывания НКВД, „Смерш”, МОБ-УБ, а также „Военная Информация” должны были скрупулезно обыскать, а уцелевших членов Польского Подпольного Государства задержать и ликвидировать. Буквально или ссылая вглубь России. Как же это было похоже на Исход!

Новые палачи также должны были подготовить к приему сотен арестованных соответственно большое количество мест репрессий: трибуналов, изоляторов, помещений для допросов, пыток и убийств, территорий для похорон, депортационных лагерей, а также... квартир для судей и палачей.

Поэтому **после вступления на Прагу Красной Армии** для этих нужд были заняты все административные здания, в которых до сих пор распоряжались немцы, а также самые лучшие жилые дома в центре Праги.

Крупнейшим из них был комплекс из семи зданий Окружной Дирекции Государственных Железных Дорог, а наиболее известными здания: общежития студентов православного богословия на улице Кирилла и Мефодия и жилой дом на улице Стшелецкой 8.

Почти сразу же использовали 2 оставшихся после немцев лагеря: на ул. Скарышевской и в Рембертове, а также казармы на ул. 11-го Ноября.

О размещении первоначальных резиденций аппарата террора так написал Томаш Лабушевски в предисловии к публикации: ***НКВД, „Смерш" и „Информация" ВП в Варшаве и окрестностях * 1944-1945***, изданной в этом году Комиссией по расследованию преступлений против польского народа Института Национальной Памяти, под редакцией Славомира Стемпня:

„...В уцелевшие от военного пожара дома на ул. Ягеллоньской 1, 9, 17, 28 и 34, Лицей им. Владислава IV (Ягеллоньская 38), здания на ул. Стшелецкой 8, 10, 46, ул. 11 Ноября 66, 68, Шведской 2, Виленской 2/4, Торговой 27 и 76, Отвоцкой 3, Кавенчиньской 12 и 41, Сераковского 7, а также Инженерской начали заселяться новые жильцы: сначала из НКВД, „Смерша", военных трибуналов Красной Армии, а затем из УБ. Под их руководством обычные до сих пор здания принимали новый, не известный до сих пор жителям Праги вид. Квартиры превращались в помещения для допросов, подвалы, использовавшиеся до сих пор в качестве складов для угля или подручных кладовых - становились следственными изоляторами, местами пыток и казней, а тихие до сих пор дворы сперва заполнились непрекращающимися криками подвергавшихся пыткам людей, а позднее безымянными могилами жертв. Постепенно свои представительства в Варшаве организовывала также польская коммунистическая безопасность, превращая в феврале 1945 г. здание православной церкви на ул. Кирилла и Мефодия 4 в резиденцию столичного УБ, а бывшее еврейское общежитие на Сераковского 7, угол Широкой (в настоящее время Клопотовского), сначала в резиденцию Ведомства Общественной Безопасности (с января 1945 г. Министерства Общественной Безопасности), позже в течение долгих лет - в Воеводское Управление Общественной Безопасности в Варшаве. Подвалы этих зданий очень быстро заполнились сотнями арестованных."

NEKROPOLIE TERRORU

- Kwatera ŁĄCZKA na cm. Wojskowym
- KURHAN i pomnik POLEGLI NIEPOKONANI

KATOWNIE GESTAPO, NKWD, UB i MO

- Pierwsza siedziba powojennych władz (DOKP)
- Trybunał Armii Czerwonej (Władysław IV, Kordegarda)
- Centrala NKWD-SMIERSZ (Strzelecka 8)
- Wojewódzki UBP, KW MO (Sierakowskiego 7)
- Stołeczny UBP, KD MO (Cyryla i Metodego 2)
- Pomnik KU CZCI POMORDOWANYCH W PRASKICH WIEZIENIACH (Namysłowska)

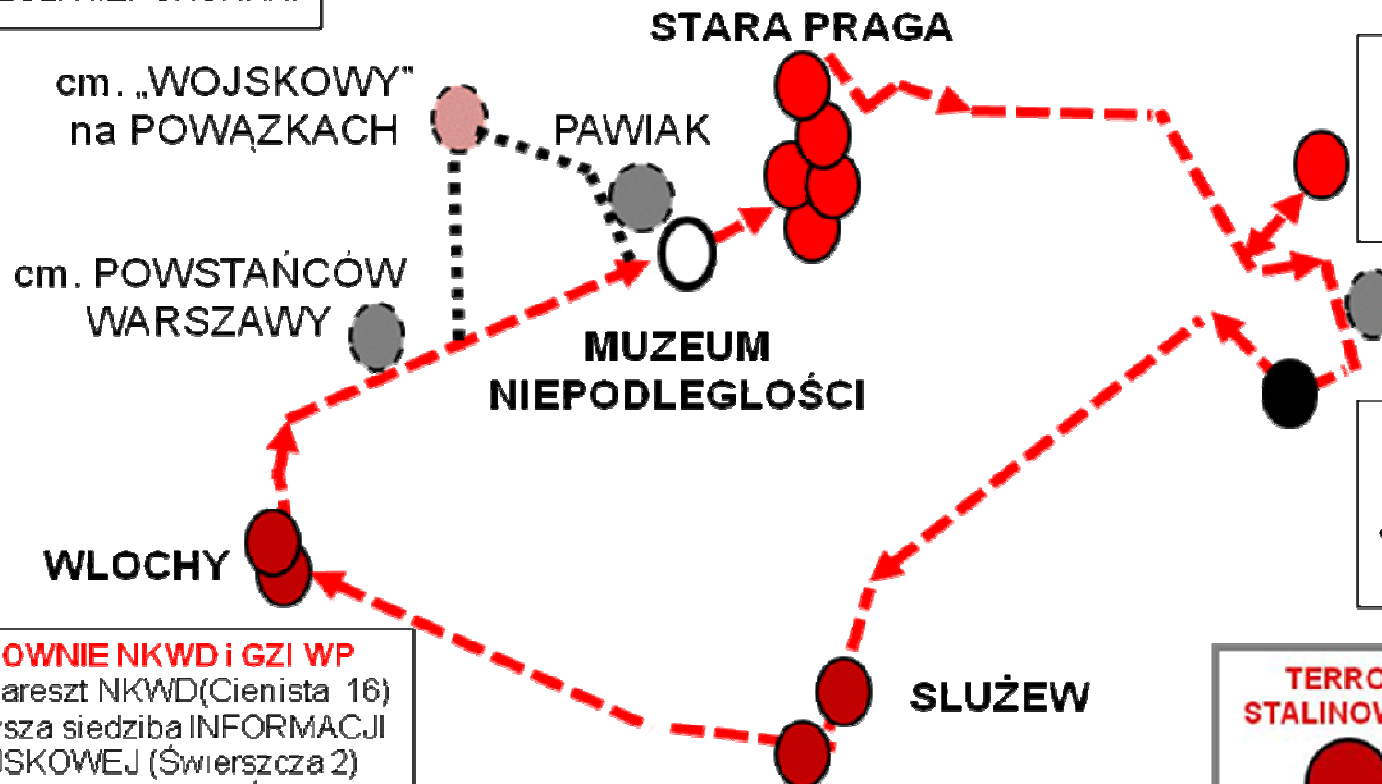
Trasa autokarowej
historyczno-edukacyjnej
wizji terenowej
SZLAKIEM TERRORU

REMBERTÓW

- OBÓZ
DEPORTACYJNY
NKWD
- Pomnik OFIAR NKWD

WAWER

- ZBRODZIA
WAWERSKA
27.XII.1939
- Cmentarz Wojenny
 - Miejsce egzekucji

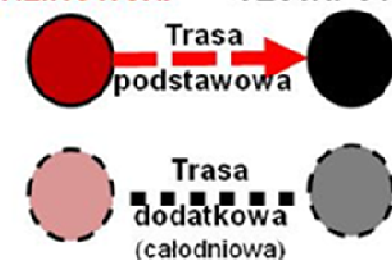
KATOWNIE NKWD i GZI WP

- Tajny areszt NKWD (Cienista 16)
- Pierwsza siedziba INFORMACJI WOJSKOWEJ (Świerszcza 2)
- MIEJSCE SZCZEGÓLNEJ PAMIĘCI NARODOWEJ - areszt śledczy NKWD/GZI (pod opieką Fundacji „Willa JASNY DOM”)

TAJNE POCHÓWKI POMORDOWANYCH W WIEZIENIACH UB

- Pomnik MĘCZENNIKÓW TERRORU KOMUNISTYCZNEGO 1944 – 1956
- Kwatera ŁĄCZKA na cm. przy ul. Wałbrzyskiej

TERROR STALINOWSKI TERROR GESTAPOWSKI

Дирекция

Здание Окружной Дирекции Государственных Железных Дорог было построено в 1928-1929 годах по проекту Мариана Лялевича в стиле модернизма. Сохранился отдельно стоящий возле входа в здание дорический портик в форме античного храма, а также любопытный интерьер некоторых помещений в стиле арт-деко, например, двух холлов и выделенной для руководства части.

Дирекция на Праге по-прежнему является самым крупным и представительным комплексом административных зданий. Поэтому после прихода немцев там были размещены, наряду с железнодорожными, также подразделения их полиции, в том числе Районная комендатура и полиция правопорядка.

Несмотря на это 1 августа 1944 г. солдаты отряда поручика „Болека“ Пражской Области [АК](#) захватили здание, которое несколько часов оставалось в их руках.

После прихода Красной Армии на Прагу здание сначала занял НКВД, потом ненадолго варшавское (Городское) Управление Безопасности, а с начала февраля 1945 сюда въехали все центральные правительственные органы, в том числе Государственный Национальный Совет и Временное правительство вместе со многими своими ведомствами.

Эти учреждения находились под охраной внутренних войск НКВД. Тот же батальон также в течение 3-х лет охранял посольство СССР, размещавшееся на противоположной стороне ул. Виленьской в здании № 13.

В одном из зданий комплекса, которое занимала сначала немецкая полиция, потом НКВД, а затем ГУМБ, находился следственный изолятор, перенесенный при НКВД на Стшелецкую 8, а при ГУМБ на Кирилла и Мефодия 4.

В комплексе дирекции располагалось также руководство транспорта [Северной группы войск Советской Армии](#). Его сотрудники были расквартированы неподалеку, в здании на ул. Торговой 75, угол ул. Виленьской.

В 50-е годы XX в. на здании стояли установки, заглушающие короткие волны.

В комплексе размещалась также первая редакция „Жиче Варшавы“.

В настоящее время, после реорганизации Польских Государственных Железных Дорог в акционерное общество, здание занимают его многочисленные филиалы.

Школа

Кто мог бы предполагать, что средняя школа на Праге, всегда пользовавшаяся отличной репутацией, станет местом советского террора. Просто в ней был большой актовый зал, и она не была разрушена. Этот актовый зал подходил для зала суда, и поэтому в школе расположился **СОВЕТСКИЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ**.

Еще в сентябре и ноябре 1944 русские подготовили здание для своих нужд. Они выделили небольшую часть для школы, замуровав проходы, коридоры и некоторые окна. Другие, выходившие во двор, закрасили, и их нельзя было открывать. В подвалах расположился следственный изолятор СМЕРШ-а. Заключенных держали также на школьном стадионе, в сарае и ямах, закрытых колючей проволокой. До сих пор неизвестно, нет ли во дворе останков жертв советского режима.

В 1946 школа вернулась в разоренное, без парт и учебных пособий здание. Оно было внесено в список достопримечательностей 9 мая 1983 г.

VIII Общеобразовательный лицей и 58 Гимназия им. Короля Владислава IV

– располагается в здании на ул. Ягеллоньской 38, которое было построено в 1905 – 1907 годах по проекту Владислава Адольфа Козловского. Строительство обошлось в 300 тыс. рублей, из них 100 тыс. собрали среди жертвователей (в том числе основателя базара – Юлиана Ружицкого). Это было первое в Польше отдельно стоящее школьное здание, соответствующее требованиям тогдашней системы образования. Когда началась I-я мировая война, российские военные власти заняли здание под госпиталь.

В 1915-19 годах в крыле со стороны ул. Ягеллоньской был интернат для учеников из-за пределов Варшавы, а также находившихся в тяжелом материальном положении.

После прихода Красной Армии на Прагу здание занял военный трибунал Красной Армии.

Ягеллоньская

После вступления Красной Армии на Прагу в середине сентября 1944 года уцелевшие здания последовательно занимали части Красной Армии, НКВД, Ведомство Безопасности, а также ПКНО. На улице Ягеллоньской находились также различные советские органы и учреждения. На Ягеллоньской господствовал трибунал Красной Армии. В домах под номерами 1, 9, 17, 28 и 34 жили его судьи и прокуроры, чтобы быть поближе к актовому залу лица Владислава IV, в котором проводились организованные Трибуналом процессы.

Интернат

Здание Еврейского студенческого общежития на ул. Сераковского 7 было подходящим местом для одной из резиденций органов террора.

После вступления Красной Армии на Прагу здание занял сначала НКВД, потом Воеводское Управление Общественной Безопасности, затем Комендатура Воеводской Гражданской Милиции (МО), а в настоящее время оно является гостиницей полиции.

Здание было внесено в национальный список достопримечательностей 16 декабря 2005 г.

Здание было спроектировано Хенриком Штифельманом и построено в 1926 г. на средства Общества Помощи Еврейским Студентам.

Здесь жили около 300 еврейских студентов, среди них Менахем Бегин, будущий премьер Израиля. Кроме жилых помещений в здании были также: лекционный зал им. А.Эйнштейна, читальни, а

также больничная палата. Во время II мировой войны сюда перенесли Пражскую больницу.

Тоже интернат, но православный

Здание общежития студентов православного богословия на улице Кирилла и Мефодия 4 после прихода немцев было реквизировано для одной из резиденций гестапо, где, как гласит памятная таблица: „гитлеровцы пытали и убивали польских патриотов”.

После вступления Красной Армии на Прагу палачи сменились с черных на красных, и здание вместе с готовыми и испытанными казематами заняло Министерство Общественной Безопасности.

До 1956 здесь находился застенек Столичного Управления Общественной Безопасности, а затем одна из варшавских комендатур Гражданской Милиции и впоследствии VI Районная Комендатура Полиции.

Это было место допросов и пыток солдат польского подполья, деятелей Польского Подпольного Государства и врагов, как III Рейха, так и „врагов народа”.

Здание вернули Церкви в феврале 2010 г.

На улице св. Кирилла и Мефодия в конце 30-х годов прошлого века было построено общежитие студентов православного богословия, превращенное в застенек гестапо и УБ.

Стшелецкая 8

Мало кто, глядя на обычный угловой, обшарпанный, четырехэтажный дом, стоящий на углу улиц Стшелецкой и Сьродковой, сможет себе представить, что это был крупнейший застенек НКВД в Польше.

После вступления Красной Армии на Прагу советы выгнали из дома его жителей, а их место заняли сотрудники НКВД, устроив здесь его главную штаб-квартиру в Польше.

Деятельностью СМЕРША руководил вместе с целым штабом НКВД генерал-майор **Иван СЕРОВ**. Этот специалист по борьбе с польским подпольем был первым заместителем начальника НКВД Лаврентия Бери. Одним из его „работников” был поручик Юзеф Святло, высокий сотрудник Министерства Общественной Безопасности, который после своего побега „на запад” в декабре 1953 г. раскрыл много секретов „безопасности”.

На Стшелецкой в подвалах сидели, среди прочих, солдаты АК, Национальных Вооруженных Сил и Свободы и Независимости. Сюда попадали самые важные лица из задержанных СМЕРШ-ем, НКВД, МОБ и УБ. Здесь их допрашивали, отбирали, проводили сортировку и отправляли, в том числе, в лагерь в Рембертове, а оттуда дальше на восток.

Обвиняемых в сотрудничестве с гестапо, в „фашизме” и „антисоветской деятельности” били, унижали и часто подвергали пыткам во время допросов, а также убивали.

Допросы проходили по ночам.

Заключенных били деревянными палками и металлическими прутьями, прижигали сигаретами, выбивали зубы и обливали ледяной водой.

Вопли и крики о помощи заглушала громкая музыка из радиоприемников, а звуки выстрелов шум двигателя грузовика, который подъезжал к зданию. В близлежащих домах (№ 40 и 46) квартировала до 1947 г. целая рота НКВД.

Как утверждают прокуроры ИНП, это место является свидетелем репрессий,

масштаб которых сравним только с пользовавшейся злой славой резиденцией гестапо в ап. Шуша.

Подвалы здания, в которых нынешние жильцы держат уголь и разное старье, были превращены в темные сырые камеры.

На первом этаже организовали помещения для допросов, над которыми находились квартиры следователей, охранников и офицеров НКВД ... а также столовая.

После войны в этом и окрестных зданиях живут семьи и потомки сотрудников бывшего аппарата „общественной безопасности“, что усложняет способ и форму постоянного увековечивания результатов преступной деятельности его предыдущих жильцов.

Образцовым примером такого увековечивания является поведение владельцев виллы Ясный Дом во Влохах на ул. Сьершца 2. Там также находился застенек НКВД и военной ИНФОРМАЦИИ. После возвращения здания наниматели были выселены из квартир и подвалов, а владельцы создали ФОНД для правовой и действенной охраны этого места памяти.

Здание на ул. Стшелецкой 8 к сожалению, в этом отношении юридически не защищено, хотя также находится в частных руках.

Сможет ли новый владелец поступить так, как во Влохах?

Пока что здесь не хватает постоянного места увековечивания перечисленных выше фактов, в бывших камерах лежит уголь, а возлагаемые время от времени цветы и зажженные свечи убогают.

Зловещий дом на Стшелецкой 8. Здесь размещалось главное управление НКВД в Польше, а затем Воеводское Управление Общественной Безопасности.

Из свидетельства Ежи Скорупиньского:

"Допросы на Стшелецкой проходили ночью, тогда из нескольких радиоприемников раздавалась громкая музыка, чтобы не были слышны стоны, крики людей, подвергавшихся бесчеловечным пыткам ...

...НКВД хотел узнать, кто такой пан Миньски на самом деле. Его бесчеловечно пытали, чтобы он признался, к какой организации принадлежит и зачем приехал из Силезии в Варшаву ... Он должен был выбрать палку, и этой палкой двое бойцов БИЛИ лежащего, другие стояли на руках и ногах".

Из рапорта разведки Передставительства Вооруженных Сил:

"В Варшаве на Стшелецкой ежедневно в течение трех недель проходят казни членов АК. В 3.00 - 4.00 часа утра вешают семь-восемь осужденных. Независимо от этого столько же заключенных расстреливают в подвалах. Перед смертью применяют чудовищные пытки. Приговор лично выполняет ... Фалькенштейн – штатский сотрудник НКВД".

Генерал

Главным „охотником“ НКВД в Польше был генерал-майор Иван СЕРОВ, он же ИВАНОВ. Первоначально командир СМЕРШ-а, а затем начальник КГБ (1954–1958) и начальник Военной разведки ГРУ (1958–1963), главный советник НКВД при Министерстве Общественной Безопасности. Этот сталинский преступник, один из несущих ответственность за убийство польских офицеров в Катыни, действовал у нас с середины октября 1944 до мая 1945 г., когда его перевели в Берлин.

Его первым „польским заданием“, которое он получил в середине 1944 г., было руководство „оперативно-чекистскими“ действиями на Виленщине, направленными против польских „антисоветских элементов“, как коммунистическая пропаганда называла в том числе солдат Армии Крайовой.

В Польше у него было 3 командных пункта: в Люблине на ул. Шопена 18, на Праге на ул. Стшелецкой 8 и, после того, как фронт двинулся на запад – во Влохах под Варшавой на ул. Тенистой 16.

Его величайшей удачей было приглашение в тайную резиденцию НКВД в Прушкове и коварный арест 16-ти лидеров Польского Подпольного Государства с ген. Леопольдом Окулицким во главе, что произошло 27 и 28 марта 1945 г. Они были приглашены под предлогом совместного совещания об устройстве послевоенной Польши, доставлены на виллу во Влохах, а затем самолетом в Москву, где в июне над похищенными, доставленными на территорию иностранной державы прошел перед советским военным судом показательный ПРОЦЕСС ШЕСТНАДЦАТИ.

Толедо

Территория к северу от улицы 11 Ноября была полигоном царских войск, на котором после Январского Восстания захватчики построили склады и казармы 2-го Оренбургского полка казаков.

С тех пор почти до настоящего времени это была военная территория, застроенная зданиями разного назначения. Во время оккупации в казармах жили немцы, а после прихода Красной Армии специальные военные подразделения.

На выделенной, огороженной высокой трехметровой стеной территории, НКВД и Управление Общественной Безопасности организовали самую крупную следственную тюрьму строгого режима, куда, как и на Стшелецкую, попадали участники вооруженного освободительного подполья, солдаты Армии Крайовой, Национальных Вооруженных Сил и члены подпольных молодежных организаций. Заключенных избивали резиновыми палками, пинали по почкам, голове и голеням, а также сажали на ножку перевернутого табурета с поднятыми ногами. Это были наиболее распространенные пытки.

ТОЛЕДО в 1945 году и в настоящее время

Казни в тюрьме, называемой „Толедо“, устраивали в подвалах, находящихся во дворе и в изломе тюремной стены, где был вмурован рельс, на котором вешали осужденных.

Затем тела хоронили на тюремной территории, во рву, без одежды, засыпая очередные слои известью. Это был успешный, неизвестный гестаповцам, метод, используемый НКВД, чтобы скрыть следы преступления.

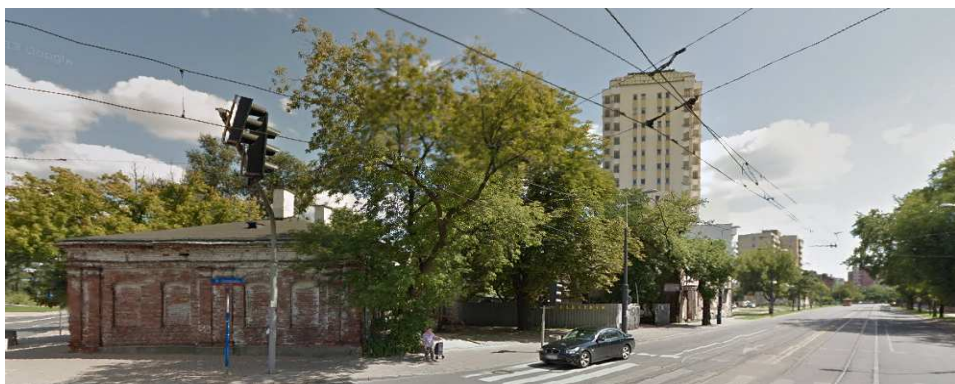
Некоторых заключенных хоронили в безымянных могилах на кладбищах: Военном (Лужок), Брудновском, а также в окрестностях холерного кладбища на Праге.

После прекращения репрессий в 1957 году тюрьма из политической превратилась в уголовную – предназначенную для женщин. В народе ее называли „Толедо“.

В 1975 году тюрьму перенесли на так называемую „Козью Горку“, постройки разобрали, а на их месте начали строить жилые дома, натываясь во время строительства на человеческие останки. Тогда строительство прервали, оставив фрагменты тюремной стены и частично ее восстановив, чтобы она могла быть фоном для открытого в 2001 г. ПАМЯТНИКА В ЧЕСТЬ УБИТЫХ В ПРАЖСКИХ ТЮРЬМАХ.

На стене можно прочитать: "ТЕРРИТОРИЯ ТЮРЬМЫ III. Здесь в 1944 - 56 годах страдали и погибли солдаты освободительных организаций, сражавшихся за свободную Польшу. Слава их памяти. Варшава 1997".

Кордегардия

„Кордегардия

Напротив территории казарм, на улице 11 Ноября 66 и 68 (так называемая кордегардия), на углу ул. Шведской, находятся очередные здания советского военного трибунала с бывшим следственным изолятором и местом казней.

Жертв трибунала расстреливали в несуществующем сегодня маленьком помещении, находившемся на этой территории.

Их хоронили либо во дворе, либо на территории бывшего холерного кладбища.

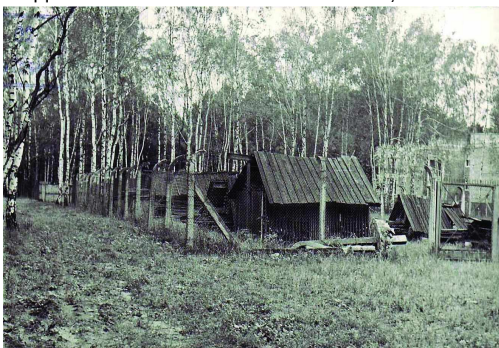
Строения на участке 11-го Ноября 66/68

Рембертув

Нас не должно удивлять, что тогдашний советский террор не сильно отличался от знакомого нам из истории царского, а затем большевитского террора. Те же места ссылок, те же причины и часто похожий финал. Различия были только в средствах транспорта и степени жестокости. Однако не менявшимся на протяжении веков хозяевам Сибири перед высылкой всегда нужен был на месте какой-то сборный, исходный пункт.

При царе это была варшавская Крепость. Большевики не дошли до Варшавы, они массово вывозили поляков с восточных территорий. Советы заняли после немцев лагерь в Рембертове.

Он был организован на территории фабрики боеприпасов СНАРЯД на ул. Марса 10. „При немцах” с 1942 г. до начала июля 1944 г. здесь находился шталаг 333 для 3 000 советских пленных, а затем, вплоть до прихода Красной Армии,

трудоу лагерь для 4 000 поляков.

От бывшего лагеря НКВД в Рембертове полностью сохранилось только здание лазарета (Фот. М. МАРЕК)

Википедия так пишет о лагере:

„Лагерь в Рембертове под Варшавой, основанный во второй половине сентября 1944 г.¹ сразу после вступления Красной Армии в Рембертув (12.09.1944) на территории довоенной фабрики боеприпасов "Снаряд" (играл) роль сборного пункта перед высылкой вглубь СССР.

Территория лагеря была окружена двумя рядами колючей проволоки, со сторожевыми вышками. В здании, называемом дворцом, находилась комендатура НКВД ...В 1945 г. дневной рацион заключенных состоял из 100 граммов глинистого хлеба, водянистого супа со следами кукурузы дважды в день и теплой воды без ограничений. Многие заключенные умирали главным образом от голода. Умерших (более десяти каждую ночь) закапывали вблизи наружных ворот во рву, который позже засыпали, а территорию заравнивали.”

В дополнение следует сказать, что:

- о Заключенных помещали в главном фабричном цеху и нескольких меньших бараках;
- о Кроме арестов солдат Армии Крайовой и прочих освободительных формирований, было также много совершенно случайных арестов, чаще всего по доносу;
- о В лагере находилось много немцев, фольксдойчей, власовцев, русских и прочих, к которым у всемогущего НКВД могли быть претензии;
- о Многие заключенные перед прибытием в Рембертув проходили через следствие в тюрьмах УБ в Варшаве и других местах.

Ночью с 20 на 21 мая 1945 г. здесь была проведена успешная боевая операция. Отряд АК, действующий на территории города и повята Минск-Мазовецкий, под командованием подпоручика "Вихря" (Эдвард Василевски) после непродолжительного боя захватил лагерь и освободил более 500 человек, среди них также своих товарищей. Число узников лагеря во время операции приближалось к 2000. Из освобожденных более 200 заключенных НКВД арестовал повторно с помощью объявлений о розыске и доносов.

с наружной стороны ограды на ул. Марса, угол Платнерской, 21.05.1995 г. был открыт памятник ЖЕРТВ НКВД, увековечивающий существование лагеря.

Святая Катажина

Памятник Мучеников Коммунистического Террора 1944 – 1956

Похороны узников режима, умерших и убитых в многочисленных застенках Варшавы, с течением времени начали представлять для палачей серьезную проблему. Если в первые годы советы не проявляли в этом отношении ни малейшей культуры и уважения, утилизируя останки жертв на месте казни, то после их ухода родимая „безопасность” считала, что жертвам полагается некрополь.

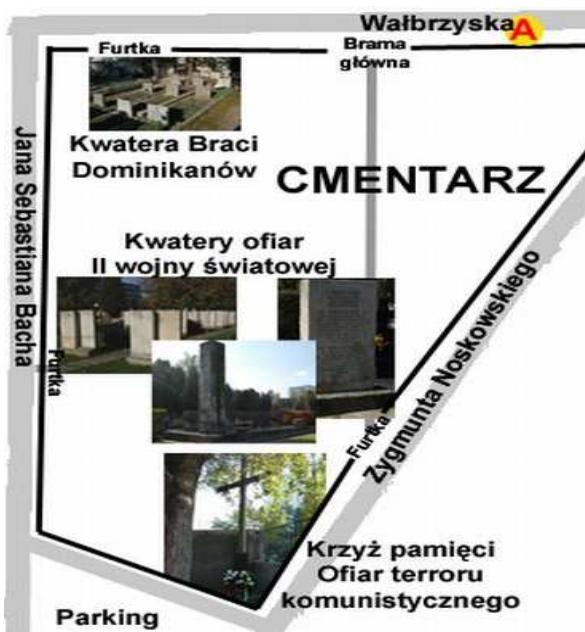
Тогда начали тайком, ночью, привозить умерших на варшавские кладбища и хоронить в общих могилах, в укромных местах, возле ограды или на неблагоустроенных окраинах. Следы похорон скрывали, а тела уничтожали в том числе при помощи извести. Эти места, после их открытия названные „Лужок”, сегодня являются МЕСТАМИ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ.

Лучше всего нам известен ЛУЖОК на Военном Кладбище Повонзки. Меньше угол на Служевецком кладбище на ул. Валбжиской, где хоронили убитых на Раковецкой.

Ксендз прелат Юзеф МАЙ, многолетний приходской священник прихода св. Катажины, принимавший активное участие в обнаружении и разоблачении тайных убийств и захоронений, установил перед своим костелом великолепный алтарь – ПАМЯТНИК МУЧЕНИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА 1944–1956. Этот памятник, спроектированный Мацеєм Шаньковским в сотрудничестве со Славомиром Коженёвским, был открыт 26 сентября 1993. Надпись на памятнике гласит:

„Этот памятник сооружен в 1986–1993 годах, чтобы не была забыта цена сопротивления поляков коммунистической власти в 1945–1956 годах. Пусть участь сотен тысяч убитых, миллионов заключенных или обиженных только потому, что в годину испытаний сохранили собственное достоинство, не вступили на путь измены Богу и Отечеству, будет гордостью Польского Народа и предупреждением для правителей.”

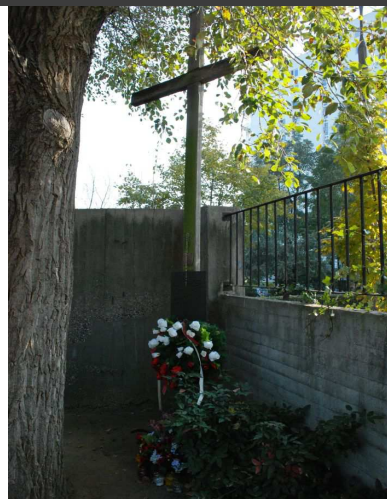
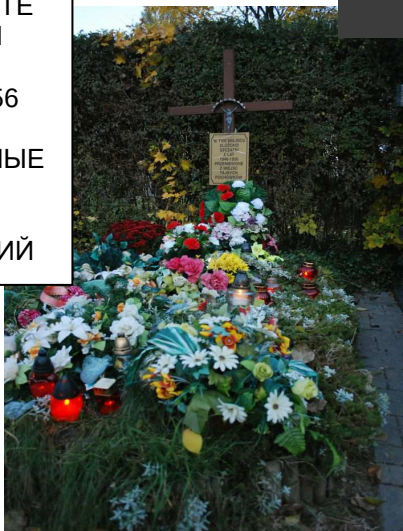
Проникновенная символика композиции напоминает о месте тайных захоронений (урна с прахом на каменном алтаре), о местах убийств (гильзы от патронов с названиями более 400 мест казней по всей Польше), о способе обозначения мест тайных захоронений (камни), об обретенной свободе (разорванная решетка).

**ПРОХОЖИЙ! СКЛОНИ ГОЛОВУ,
ЗАДЕРЖИСЬ НА МИГ.
ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ КОМ ЗЕМЛИ
КРОВЬЮ МУЧЕНИКОВ ИСТЕКАЕТ.
ЭТО СЛУЖЕВЕЦ. ЭТО НАШИ
ФЕРМОПИЛЫ.
ЗДЕСЬ ЛЕЖАТ ТЕ, КТО ХОТЕЛ БИТЬСЯ
ДО КОНЦА.
НЕ ПРОВОЖАЛА НАС ПОХОРОННАЯ
ПРОЦЕССИЯ.
НИКТО НЕ ПОЛУЧИЛ НИ САЛЮТА
НАД МОГИЛОЙ, НИ ВЕНКА.
В МОКОВОДСКОЙ ТЮРЬМЕ
ВЫСТРЕЛ В ЗАТЫЛОК,
А ПОТОМ МАЛЕНЬКИЙ ПОНИ ВЕЗ НАС
НА СЛУЖЕВЕЦ.**

**Памяти жертв коммунистического
режима,
незаконно осужденных и убитых
в 40-х и 50-х годах,
тайно похороненных на этом
кладбище.**

**В ЭТОМ МЕСТЕ
СЛОЖЕНЫ
ОСТАНКИ
С 1946 – 1956
ГОДОВ,
ПЕРЕНЕСЕННЫЕ
ИЗ МЕСТ
ТАЙНЫХ
ЗАХОРОНЕНИЙ**

Участки жертв II мировой войны и коммунистического террора на Служевецком кладбище

Вилла

Каково должно было быть изумление, удивление и шок, когда под одолженным у соседки углем появились ужасающие надписи, нацарапанные на кирпичной стене подвала. Nomen Omen это было 11 ноября 2000 г., 82-я годовщина обретения Независимости.

Именно в этот день во Влохи из Пабяниц вернулись владельцы виллы „ЯСНЫЙ ДОМ”, выселенные советами в январе 1945 г.

Они совершили страшное открытие, что именно в их доме на улице Сьершца 2 НКВД и военная ИНФОРМАЦИЯ устроили тайный застенок, поддерживающий подобные, находившиеся на соседних улицах.

После постепенного освобождения подвалов от угля и прочей рухляди их стены заговорили.

„ИИСУСЕ СПАСИ”, „Мир людям доброй воли”; „Матерь Божья, покровительница наша, спаси. 15.IV-15.VIII”;

О том, что заключенные всеми способами старались сохранить спокойствие и осознание уходящего времени, свидетельствуют тюремные календари, фамилии, даты, и даже солнце, нацарапанное на стене, или надпись химическим карандашом на двери **“у кобылы маленький бок”;**

“Приговора ждет Бог. Козловски из...”; **“Научился жить на свободе. Козловски, Писарек, Тарапата”;** **“22 VIII Пайонк МП”;** **“Болеслав Пясецки здесь сидел”;** **“Амнистия 5.9.45”.**

Заставляют задуматься таинственные знаки и инициалы, нацарапанные на истертых кирпичах в одной из камер, умиляет нацарапанное на штукатурке сердечко. В середине вероятно чьи-то инициалы. Чьи?

Многие надписи и рисунки уже едва заметны.

“Шабак Зы”? Или возможно иначе “Ицхак Зы”?

Почти невозможно прочитать надписи (некоторые по-русски), сделанные химическим карандашом на двери одной из камер.

Есть также глубоко выскобленный фрагмент штукатурки в том месте, где была какая-то надпись.

Эта дверь, когда-то обычная, подвальная, была примитивным способом пробита, чтобы можно было через верхнюю прорезь подавать еду, а через нижнюю, то есть, глазок наблюдать за заключенными.

*Два стоящих вблизи друг от друга застенка НКВД и ГУИ – военной информации во Влохах;
слева резиденция НКВД-СМЕРШ и Ивана Серова на ул. Тенистой 16;
справа дом, занятый НКВД-СМЕРШ для ВОЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ на ул. Сьерсца 2;*

Очередным пользователем ЯСНОГО ДОМА стало Главное Управление Информации Войска Польского. ГУИ в начале своей деятельности на сто процентов состоял из российских офицеров, откомандированных из НКВД. Они говорили на своем языке и носили советские мундиры. Поэтому заключенным трудно было поверить, что это польское военное учреждение.

Прежде чем владельцы вернули себе здание, в нем размещался еще районный военкомат, а когда оно перешло в собственность города - жилые помещения.

В настоящее время подвалы являются особенным МЕСТОМ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ под опекой владельцев дома.

С этой целью в январе 2013 г. пани Йоланта Пекарска вместе с семьей: Мацеєм Пекарским и Марленой Пекарской-Ольшувка зарегистрировала Фонд „Вилла Ясный Дом". Фонд является негосударственной организацией. Его главные цели – это популяризация исторических знаний, прежде всего истории, связанной с районом Влохы, а также увековечивание и охрана памятников старины, в том числе особенного места народной памяти – дома на улице Сьерсца 2.

Пару слов в завершение

В завершение воспоминаний о варшавском терроре'44/56 стоит напомнить, что разные органы советской и родимой безопасности использовали еще много других зданий и оставшихся после немцев мест террора.

Среди наиболее важных, не упомянутых здесь, были также:

- **на Праге:** трудовой лагерь на улице Скарышевской, а также здания на ул. Шведской, Виленьской, Торговой, Кавенчиньской, Гроховской,
- Замойского, Тыкоциньской или Отвоцкой 3. В последнем после ухода советов разместилось Отделение Информации и Пропаганды Варшавы.

- **на левом берегу Вислы:** 3 резиденции районных УБ (южного на ул. Гражины 11, северного на ул. Погоновского 12 и западного на ул. Гурчевской 23
- **под Варшавой:** два отделения в Прушкове (на ул. Крашевского 18 и Аллеи Армии Крайовой 11) и тайный следственный изолятор МОБ в Медзешине;

Бывшие резиденции южного и северного УОБ

Бывшая резиденция западного УОБ

Бывшая резиденция НКВД в вилле Под Аустом в Прушкове

Бывшая резиденция тайного следственного изолятора МОБ в Медзешине

Вилла в Прушкове, где НКВД схватило 16 лидеров ППГ

Fundacja „Willa Jasny Dom”
ul. Świerszcza 2
02-401 Warszawa
kontakt mailowy: fundacja@willajasnydom.pl
nr rachunku bankowego:
Millennium Bank
60 1160 2202 0000 0002 3570 7881

ПРОБЛЕМНЫЕ ВЫПУСКИ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ ВАРШАВЫ
Выпуск 5/7 из серии „Гражданское население в Варшавском Восстании
1944”:

Тексты: члены ОДВ и ОПВВ 1944, фотографии: А Добецки, Ф.Трынка,
из архива ОДВ,
а также из Интернета;

Обработка: Марта и Аугустин Добецкие; перевод: Катерина Харитоновна
тираж 120+30 экз.

wydano nakładem CZŁONKA WSPIERAJĄCEGO TPW – firmy

COMPLET

USŁUGI PROJEKTOWE

Warszawa ul. Poprzeczna 18K * Biuro: Józefów k. Warszawy ul. Kormoranów 34 * tel/fax 022 789 49 31
WIELOBRANŻOWE PLANOWANIE I PROJEKTOWANIE ZAGOSPODAROWANIA TERENU, DRÓG,
INFRASTRUKTURY MIEJSKIEJ, ZIELENI

